

УДК 821.161.1-31.09

Н.Н. Ступницкая

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Творчество А.И. Солженицына столь многогранно, а в рамках одного произведения переплетено столько идей и тем, что, анализируя какой-то определенный аспект, невозможно остановиться только на нем, оставив без внимания все остальные вопросы. Подобная специфика писательской манеры, явилась, с нашей точки зрения, одним из факторов, обусловивших появление обилия разноречивых взглядов на труды Солженицына.

Цель нашей статьи состоит в выявлении религиозного аспекта в трудах писателя.

Исследованием данного аспекта занимался М.М. Дунаев, полагающий, что Солженицын принимал идеи не только ранней, но и поздней назидательной толстовской традиции в литературе. Реплика Шулубина, героя повести «Раковый корпус», о неприятии народом христианских идей вызывает следующий отклик Дунаева: «Так говорил персонаж писателя, но, кажется, автор ему сочувствовал» [6, с. 317]. О.В. Гаркавенко распределяет персонажей на верующих и атеистов. По мнению исследователя, Солженицын посредством образов Русанова, Зацырко, Поддуева говорит о тупиковости атеистического мировоззрения и дает «срез советского общества определенной эпохи, показывает несколько поколений людей, выросших в стране, где воинствующий атеизм является важнейшей частью государственной идеологии» [3, с. 71], подчеркивая, что атеистическое мировоззрение не дает человеку ответы на самые главные вопросы.

В статье «Рождество и Воскресенье», посвященной анализу романа «В круге первом», А.С. Немзер полагал, что особое внимание в произведении уделено духовному развитию персонажей. Солженицын «знал, что душа человека, России, человечества,

одаренного почти две тысячи лет назад Благодатью, не может пребывать в смерти» [9, с. 37].

В наше время творчество Александра Солженицына начинает восприниматься по-новому. Нельзя не согласиться с П.Е. Спиваковским, который полагает, что «примитивно-политизированное прочтение его произведений выглядит теперь безнадежно архаичным и неадекватным. И все большую значимость приобретает интеллектуальная и религиозно-этическая глубина солженицынских текстов, не замеченная, да и не понятая в пылу политических страстей. Однако и сейчас мы находимся лишь в самом начале пути к истинному пониманию творческих прозрений великого писателя» [14, с. 67]. Спиваковский вообще поместил теологический фактор во главе повествовательной иерархии писателя: «высшей точкой отсчета является в художественном мире Солженицына отнюдь не автор-творец, не создатель художественного текста, а лишь Сам Бог – Тот, кто сотворил ту самую жизненную реальность, которую писатель частично воссоздает в своих произведениях» [16, с. 67]. С нашей точки зрения, подобная трактовка специфики образной системы Солженицына представляется несколько категоричной. Мы, вслед за А.В. Урмановым, полагаем, что при анализе солженицынских произведений целесообразнее говорить о религиозном мировосприятии писателя, а не о «доминировании точки зрения Бога» [17, с. 264].

Сам писатель полагал, что людям следует не приравнять себя к Богу, а просто следовать его воле. Развитие науки и техники, бум компьютерных технологий сделали возможности человека в познании окружающего мира практически безграничными, существенно облегчили возможность получения информации и обмена идеями, что приводит к пагубным мыслям о неограниченности человеческих возможностей. В Темплтоновской лекции Солженицын определил главное мировоззренческое и бытийное заблуждение современного человека: «человек пытается не выявить Божий замысел, но заметить собою Бога» [13, с. 453].

С нашей точки зрения, писательская судьба А.И. Солженицына, его стремительное и безоговорочное вхождение в литературу, также

относит нас к проявлению воли Высших Сил. М.М. Дунаев следующим образом обосновал обстоятельства, способствовавшие известности писателя: «Солженицын стремительно обозначился в литературе, возвысившись в ней сразу, резко. Появление “Одного дня Ивана Денисовича” (1962) стало рубежной вехой в её истории: теперь всё разделилось в ней, на до и после этой повести. Само вхождение Солженицына в литературу показало как действует Промысл: в соработничестве с человеком. Конечно, не политбюро, не Хрущёв создали возможность публикации “Одного дня...” – они лишь выполнили то, что было определено Промыслом. Но... Была создана возможность, была и ответная готовность. Мог ведь победить здравый смысл: зачем силы класть на то, чего не только не напечатать, а и показывать страшно, и хранить небезопасно. И создалась бы возможность, да ответить бы нечем было. Нужна была сильная воля, чтобы одолеть то “здоровое” внутреннее нашёптывание, и она ответила воле Творца» [5, с. 911]. Подобная мысль достаточно четко сформулирована в книге Солженицына «Бодался теленок с дубом»: «я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий, смысл привык с тюремных лет ощущать... Многое в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая верного пути, – и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось задачи: правильной и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни» [11, с. 126]. Данное замечание относится и к солженицынским персонажам, их часто направляет Нечто. Миропонимание писателя восходит к «предопределению судьбы», приведшему Раскольникова к совершению убийства. «Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [4, с. 81]. Володин, персонаж романа «В круге первом», сам понимает, что у него нет выбора. «Опасно, не опасно другого решения быть не может» [12, с. 13].

Актуальность творчества Солженицына на современном этапе, в значительной мере, связана с тем, что мысли писателя опираются

на християнський опыт предшествующих поколений. Возрастающая роль различных теологических систем усилила влияние антропологических настроений современного общества и выделение личностного аспекта в качестве доминирующего в творчестве Солженицына стало основой современных исследований. Присущая писателю глубокая вера помогает ему чувствовать грань между добром и злом и направлять жизнь и творчество по пути добра. Ю.В. Рокотян полагает, что «таковы герои произведений Солженицына: Иван Денисович, внешне вроде бы и не религиозный, Матрена, Спиридон, Воротынец и многие другие» [10, с. 154].

Основываясь на том, что русский человек традиционно искал истину и пример для подражания в сакральных текстах, облакая церковного писателя доверием аудитории и высшим авторитетом, а свое право говорить от лица истины оплачивал святостью жизни и, если потребуется, мученичеством, Сталин (как представил его Солженицын в романе «В круге первом») из своей биографии создал подобие жития святого, отдавшего все силы служению революции и борьбе за советскую власть. Церковь утратила культурный авторитет и роль высшего культурного авторитета стало играть государство в лице Сталина, претендовавшего на роль арбитра в вопросах истины и заблуждений, добра и зла, стремящегося не служить Богу, а занять его место. «Как можно больше портретов, как можно больше упоминаний – а самому появляться редко и говорить мало, как будто ты не все время с ними на земле, а бываешь еще где-то. И тогда нет предела их восхищению и преклонению» [12, с. 110].

Сталин не верит в Бога, а боится, что существует нечто, что может угрожать его абсолютной власти и, фактически, заключает с Господом сделку, пообещав восстановить богослужения, если удержится на посту. Атеизм русских коммунистов заключает в себе противоречие, которое не в состоянии заметить заидеологизированное сознание. Лучшим типом коммуниста, провозглашаемым советской пропагандой, считался человек, полностью посвятивший себя служению идее, способный на огромные жертвы и бескорыстный энтузиазм. Однако подобный тип человека мог возникнуть только

в результате всецелого поглощения человека христианским духом. По мнению Н.А. Бердяева, если «антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни, как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах» [1, с. 139]. Таким образом, церковь, славословившая тирана, стала орудием зла.

Солженицын убежден, что, невзирая ни на какие перипетии, возрождение народа возможно, как отмечал писатель в «Темплтоновской лекции»: «Знала же когда-то и Россия такие века в своей истории, когда общественным идеалом была не знатность, не богатство, не материальное преуспеяние, а – святость образа жизни. Россия тогда была напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига, еще одновременно отражая и неправедные удары крестоносных мечей с Запада» [13, с. 449]. Показательно, что Солженицын был первым православным мыслителем, получившим в 1983 году Темплтоновскую премию, основанную в США Фондом Темплтона, которая вручается за успехи в исследовании или открытии в духовной жизни.

Писатель видит окружающий мир как Творение, исполненное глубочайшего смысла, а свою задачу он видит в постижении Божьего замысла, глубинного смысла событий и явлений. Именно в этом состоит специфика солженицынской эстетики, в которой соединяется, казалось бы, несоединимое: с одной стороны, строгий документализм, отказ от любого вымысла, нашедший свое проявление в описании гибели Матрены (рассказ «Матренины двор») и в описании убийства Столыпина (эпопея «Красное Колесо»), с другой – присутствует глубокая онтологическая символика, ярчайшим примером которой являются «сталинские» главы в романе «В круге первом». Вымысел не характерен для писателя, он прибегает к нему тогда, когда реальные факты или документы абсолютно недоступны.

Следует отметить, что представителей русской литературы XIX в. и Солженицына объединяет главное – православие как основа бытия русского человека. Современные исследователи все чаще отзываются о Солженицыне как о писателе христианском, православном. Так, В. Захаров, размышляя «о глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского», утверждает: «В целом и Достоевского, и Солженицына роднит нечто большее, чем то, что возникает в процессе влияний, подражаний и пр., – их сближает и делает конгениальными принадлежность к одной литературной традиции – русской христианской словесности» [7, с. 413]. Сходное мнение высказывает и Т. Клеофастова: «На наш взгляд, развитие русской литературы, и в том числе современной, не может быть научно и обстоятельно представлено вне истории христианства, ибо истинное художественное творчество всегда развивалось в постоянном взаимодействии с религиозно-философским сознанием нации. Трепетным соприкосновением с высшими нравственными ценностями православия проникнуто и повествование А. Солженицына, продолжающее и на этом духовном уровне традиции русской классической литературы» [8, с. 308]. С. Шешунова, изучая роль православного календаря в «Красном Колесе», отметила: «Скрытая пасхальность является, на наш взгляд, тем внутренним светом, который освещает страницы этой уникальной эпопеи» [18, с. 477].

Анализируя повесть «Адлиг Швенкиттен», А. Ванюков отмечает: «Уже зачин повести А. Солженицына ясно показывает глубокую соотнесенность авторского жанрового сознания с национальной традицией, знаково/формульно представленной “Повестью временных лет” и “Словом о полку Игореве” <...>». Исследователь полагает, что «Адлиг Швенкиттен» – «христианская повесть» – и далее продолжает свою мысль словами Н. Струве – «христианская трагедия, в которой жертва – всегда искупление и восстановление в сущем» [2, с. 502, 513].

Исследуя природу полифонизма Достоевского и Солженицына, Спиваковский приходит к выводу: «Таким образом, художественное воссоздание полифонической картины мира и использование полифонической нарративной композиции и для Достоевского, и для Солженицына отнюдь не самоцель. Оба писателя с предельной

остротой переживают и художественно воссоздают тот бытийно-аксиологический тупик, в котором в эпоху Нового времени оказалась европейская цивилизация. И полифонически деструктивная картина человеческих взаимоотношений, воссозданная в их произведениях, вызывает к преодолению антропоцентрической ценностной иерархии. В этом и заключается высший смысл использования полифонии в творчестве Достоевского и Солженицына» [15, с. 421].

Собранный в данной статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод, что религиозное миропонимание проходит через все творчество А.И. Солженицына, органично впадаясь как в структуру художественного повествования, так и в его публицистические работы, что обусловлено несомненной религиозностью писателя, отчетливо понимавшего экзистенциальную сущность православия. Об актуальности этой проблемы свидетельствует также и широкий круг ученых, представленный в статье, занимавшихся исследованием данного аспекта. Проблема, затронутая в статье, представляется перспективной для дальнейшего исследования и изучения творчества А.И. Солженицына под предложенным ракурсом.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955г. – М.: Наука, 1990. – 220, [2] с.
2. Ванюков А. «Адлнг Швснкиттен» А. Солженицына. Концепция памяти и поэтика жанра /А. Ванюков // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М., 2005. – С. 498-513.
3. Гаркавенко О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Оксана Владимировна Гаркавенко. – Саратов, 2007. – 223 с.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: [роман] / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1988. – 464 с.
5. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках / М.М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.

6. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. / М.М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2000: – Ч. 6. – 560 с.
7. Захаров В. О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского / В. Захаров // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М., 2005. – С. 409-414.
8. Клеофастова Т. Творчество А. Солженицына в контексте XX века / Т. Клеофастова // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М., 2005. – С. 302-314.
9. Немзер А.С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» / А.С. Немзер // Литературное обозрение. – 1990. – № 6. – С. 31-37.
10. Рокотян Ю.В. Христианские корни публицистики Солженицына / Ю.В. Рокотян // Москва. – 2005. – № 12. – С. 154-159.
11. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни / А.И. Солженицын. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Согласие, 1996. – 687, [1] с.
12. Солженицын А.И. В круге первом: [роман] / А.И. Солженицын. – М.: Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
13. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. издательство, 1995. – Т. 1: Статьи и речи. – 1995. – 720 с.
14. Спиваковский П.Е. Академик Александр Исаевич Солженицын (к 85-летию со дня рождения) / П.Е. Спиваковский // Известия АН. Серия литературы и языка – 2003. – Т. 62. – № 6. – С. 62-67.
15. Спиваковский П.Е. Полифоническая картина мира у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына / П.Е. Спиваковский // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М., 2005. – С. 414-423.
16. Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд: (К 80-летию со дня рождения) / А.И. Солженицын. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 135 с.
17. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: Учебное пособие для студентов и преподавателей филологов / А.В. Урманов. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 380 с.

18. Шешунова С. Православный календарь в «Красном Колесе» / С. Шешунова // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М., 2005. – С. 266-269.

Анотація

Н.М. Ступницка. Релігійний аспект у творчості О.І. Солженіцина

У статті відзначено, що релігійний світогляд проходить крізь усю творчість О.І. Солженіцина, органічно вплітаючись як у структуру художнього оповідання, так і у його публіцистичні роботи, що обумовлене безсумнівною релігійністю письменника, який чітко розумів екзистенційну сутність православ'я.

Письменник бачить оточуючий світ як Творіння, що сповнене найглибшого сенсу, а власне завдання він вбачає у осягненні Божого задуму, глибинного змісту подій та явищ. Саме в цьому й полягає специфіка солженіцинської естетики, в якій поєднується, здавалося б, неможливе: з одного боку, суворий документалізм, відмова від будь якої вигадки, з іншого – існує глибока онтологічна символіка, найяскравішим прикладом якої є «сталінські» глави у романі «В колі першому». Вигадка не є характерною для письменника, він уживає її тільки тоді, коли реальні факти або документи абсолютно недосяжні.

У статті стверджується, що представників російської літератури XIX ст. та Солженіцина поєднує головне – православ'я як основа буття руської людини. Сучасні дослідники все частіше відзиваються про Солженіцина як про письменника християнського, православного.

Про актуальність цієї проблеми свідчить також й широке коло дослідників, яке представлено у статті, що займалися дослідженням даного аспекту.

Ключові слова: світорозуміння, художнє оповідання, православ'я, солженіцинська естетика, документалізм, онтологічна символіка, буття.

Аннотация

Н.Н. Ступницкая. Религиозный аспект в творчестве А.И. Солженицына

В статье отмечено, что религиозное миропонимание проходит через все творчество А.И. Солженицына, органично вплетаясь как в структуру художественного повествования, так и в его публицистические работы, что обусловлено несомненной религиозностью писателя, отчетливо понимавшего экзистенциальную сущность православия.

Писатель видит окружающий мир как Творение, исполненное глубочайшего смысла, а свою задачу он видит в постижении Божьего замысла, глубинного смысла событий и явлений. Именно в этом состоит специфика солженицынской эстетики, в которой соединяется, казалось бы, несоединимое: с одной стороны, строгий документализм, отказ от любого вымысла, с другой – присутствует глубокая онтологическая символика, ярчайшим примером которой являются «сталинские» главы в романе «В круге первом». Вымысел не характерен для писателя, он прибегает к нему тогда, когда реальные факты или документы абсолютно недоступны.

В статье утверждается, что представителей русской литературы XIX в. и Солженицына объединяет главное – православие как основа бытия русского человека. Современные исследователи все чаще отзываются о Солженицыне как о писателе христианском, православном.

Об актуальности этой проблемы свидетельствует также и широкий круг ученых, представленный в статье, занимавшихся исследованием данного аспекта.

Ключевые слова: миропонимание, художественное повествование, православие, солженицынская эстетика, документализм, онтологическая символика, бытие.

Summary

N.N. Stupnitskaya. Religious Aspect in the Work by A.I. Solzhenitsyn

The article noted that the religious view of the world passes through all the works by A.I. Solzhenitsyn, organically intertwined with the narrative structure of the literary works, and in his publicistic works is noted in the article. It is due to the undoubted religiousness of the writer who clearly understood the existential essence of Orthodoxy.

The writer sees the world as the Creation which is full of the deepest meaning and his task is to understand the God's plan the deep sense of events and phenomena. This is the peculiarity of Solzhenitsyn's aesthetics, which combines seemingly incompatible: on the one hand, strict documentalism, refusal of any invention, on the other hand, there is a deep ontological symbolism, the clearest example of which is "Stalinist" Chapters in the novel "The First Circle". The invention is not typical of the writer; he uses it when the real facts or documents are completely inaccessible.

The representatives of Russian literature of the nineteenth century and Solzhenitsyn are united by the main thing that Orthodoxy is the basis of Russian

existence is claimed in the article. Modern researches more often speak of Solzhenitsyn as a writer of Christian, Orthodox.

A wide range of scientists engaged in research of this aspect represented in this article is the evidence of topicality of this theme.

Key words: view of the world, literary works, Orthodoxy, Solzhenitsyn's aesthetics, documentalism, ontological symbolism, existence.

Інформація про автора

Ступницька Наталія Миколаївна – ORCID: 0000-0002-7560-0049; кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна; майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна